

КОНСЕРВАТИВНАЯ ЛОГИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДУХОВНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ

1. Особенности посткоммунистической реставрации в России.

Реставрация, которая в той или иной форме идет у нас вслед за распадом советской системы, предполагает возрождение традиционной, досоциалистической национальной идентичности. У поляков эта проблема, к примеру, вообще не существовала, ибо они всегда рассматривали свой социализм как навязанную извне систему, и на самом деле никогда не отказывались от традиционной польской идентичности, завязанной на Костел, на традиционные польские «вольности».

Дискуссии о сути так называемой «польщизны», о коренных слабостях польского национального сознания велись на страницах польской периодической печати, как я помню, особенно активно – в конце 70-х, накануне зарождения эпохи «Солидарности». У нас же в СССР активно обсуждаемая до революции проблема русскости, огромная литература, посвященная анализу особенностей русского национального сознания, всего того, что Семен Франк назвал «русским мировоззрением», оказалась под запретом в силу того, что она была создана русскими мыслителями, которые были идейными противниками русского коммунизма, большевизма. Не следует забывать, что русские философы, все как один, без исключения, связывали победу большевиков прежде всего с неразвитостью русского национального сознания, с легковерием русского человека, с его неукорененностью в русской культуре и истории, с отсутствием навыков самостоятельного критического мышления, и, конечно, с наследием русского рабства.

Взамен реального русского человека с кричащими противоречиями его души – и государственный, и анархист, и всемирная отзывчивость, жажда справедливости, и жестокосердие, и т.д., – советская пропаганда связала русский национальный характер со славянофильским мифом о русскости как генетическом коллективизме, общинности, и соответственно подводила к мысли о генетической связи между русским национальным характером и советским строем.

Но самое поразительное, что произошедшее после 1989 года возвращение российскому человеку правды о нем самом, ранее запрещенной, всего богатства русской национальной мысли, не привело к преодолению советских мифологем о природе русскости. За эти мифологемы, за привязывание русскости к генетическому коллективизму держатся не только коммунисты, что имеет объяснение, ибо им надо доказать, что сталинская, совет-

ская экономическая система есть прямое продолжение русского, «монастырского уклада жизни», но и наши либералы, которые оправдывают этими советскими мифологемами неудачи гайдаровских реформ, ссылаются на мифологическую «природную русскую общинность», которая якобы помешала формированию здоровой рыночной экономики. Тревожит тот факт, что люди, которые с легкой руки Дмитрия Медведева у нас получили статус «интеллектуальной элиты», продолжают игнорировать знание о той стране, в которой они живут, судят о ней и ее будущем, не имея ни малейших представлений о реальном русском человеке и о том, чем он живет и что ему дорого. В игнорировании нашими российскими либералами, всей этой многочисленной ратью различного рода обозревателей наследия русской общественной мысли, наследства всех тех, кто серьезно изучал и русский характер, и российскую историю, есть что-то нарочитое. Это уже не следствие «советской образованщины», а какой-то инстинктивный русофобии.

Поэтому, на мой взгляд, лучше позже, чем никогда. Надо приветствовать тот факт, что новая посткоммунистическая власть в лице Путина в начале третьего десятилетия своего существования осознала важность всех тех мировоззренческих проблем, которые вызваны и распадом советской идеологии, и советской системы, осознала важность самой проблемы перехода от советского русского национального самосознания к исторически сложившейся русской национальной идентичности, осознала саму важность реальной национальной самооценки, знания народа российского о себе самом, о своих достижениях, о своих слабостях, о своих возможностях.

Я имею в виду прежде всего прозвучавший в послании Путина Федеральному собранию в декабре 2012 года призыв к укреплению складывающейся веками русской «национальной идентичности». Кстати, впервые после распада СССР в названном послании руководитель новой России проявил озабоченность состоянием национального духа, национального самосознания, начал рассматривать качество национального самосознания как коренное условие стабильности в стране. Правда, в первой половине 90-х команда Ельцина занималась поиском так называемой «русской идеи». Но все, написанное на этот счет, носило умозрительный характер, сводилось к поиску какой-то принципиально новой идеи, способной заново объединить новую Россию. Надо учитывать, что либеральному окружению Ельцина вообще была чужда идея реставрации даже в самой малой форме, тем более традиционная российская идентичность. Чем российская либеральная элита качественно отличалась от либеральной элиты стран Восточной Европы. У нас понятия «свобода» и «национальная традиция» разведены по разные стороны баррикад. А у тех же поляков эти понятия – две стороны одной и той же медали.

В названном Послании президента Федеральному собранию обращают на себя внимание следующие тезисы. Во-первых, признание того, что последствием нашего русского XX века с его революциями и дважды с распадом страны является наша нынешняя «ценностная катастрофа», «ценностный кризис», несущие в себе угрозу гибели России. В данном случае прямо и откровенно проявляется негативное, консервативное, на самом деле «белое» отношение Путина к революциям и прежде всего к ленинскому Октябрю. «А если нация не способна себя сберечь и воспроизводить, - подчеркивал Путин, - если она утрачивает жизненные ориентиры и идеалы, ей никакой враг не нужен, все и так развалится само по себе». Во-вторых, что следует из первого, Путин связывает крепость национального сознания с крепостью в сознании нации безусловных ценностей, с уважением к национальным святыням. И само это обстоятельство качественно отличает мировоззрение Путина как консерватора-западника и от либералов и от национал-коммунистов. В-третьих, и это очень важно для понимания идеологической ситуации в современной России. Путин, напрямую связывает прочность национального сознания с прочностью исторической памяти, с включением человека в исторический процесс, с его способностью лично сопереживать событиям национальной истории. И последнее, в-четвертых, при анализе всех высказываний Путина о национальной идентичности обнаруживается, что крепость национального сознания он отождествляет с нравственным здоровьем общества, с глубиной патриотических чувств. В патриотизме Путин видит «консолидирующую силу» своей политики. Таким образом, государственничество, когда «за державу обидно», остается как бы сердцем, первоосновой российской духовной идентичности. И соответственно, поставленная Путиным задача национализации новой российской элиты тесно связывается с формированием национальной памяти и русской национальной идентификации. Обращает на себя внимание и то, что во всех своих выступлениях и высказываниях, посвященных характеристике русскости и русской национальной идентичности, Путин откровенно игнорирует модную ныне в России, особенно среди так называемых государственников, идею особой русской цивилизации со своими якобы особыми, отличающимися от западных ценностями. Скажу сразу. Путин никогда не связывал русскость с этническими характеристиками, всегда подчеркивал исходную многонациональность России и русской культуры. И последнее из этих моих вводных замечаний. Конечно, Путин связывает русскую национальную идентичность прежде всего с несомненными историческими достижениями российской нации, с тем, чем можно гордиться, что составляло славу и почет русской нации. Проблема качества и особенностей национального самосознания шире проблемы национальной идентичности как совокупности опорных ценностей, лежащих в основе национального самосознания. Но нельзя не видеть, что Путин лишен

традиционного русского мессианизма, веры, что мы в состоянии открыть путь спасения человечества. Наверное, отказ от традиционного российского мессианизма как раз и является первым шагом к формированию новой реалистической российской идентичности.

Но все же, если рассматривать все эти призывы Путина к укреплению национального сознания, национальной идентичности в контексте всей уже тринадцатилетней истории его пребывания во власти, напрашивается целый ряд вопросов. Конечно, в призывах Путина к формированию патриотического сознания, к тому факту, что он жестко связывает русскость с суверенитетом, с традициями российской государственности, с традициями российского патриотизма и воинской славы, ничего нового нет. В своей первой программной статье «Россия на рубеже тысячелетий» (НГ, 30.12.1999) Путин называет патриотизм и государственничество в числе основных национальных ценностей. Но надо видеть, что никогда ранее Путин не связывал моральное здоровье России с качеством национального сознания и исторической памяти, с отношением России к абсолютным, общеобязательным ценностям. Впервые Путин связывает историческую ратную память и с героикой Первой мировой войны. Не надо забывать, что руководители Белого движения были как раз героями Первой мировой войны. Причем он это делает настойчиво, от речи к речи в последнее время.

И мне думается, что это обострение изначально консервативной и одновременно откровенной антикоммунистической позиции Путина является реакцией на предвыборную президентскую кампанию 2012 года. В начале своей деятельности на посту Президента, по крайней мере, до ареста Михаила Ходорковского в 2003 году, Путин ощущал себя лидером всей нашей российской элиты, лидером и либералов, и силовиков, и космополитов-западников, и российских традиционалистов. Но предвыборная кампания 2011 – 2012 годов, ожесточенные нападки на него, агрессия сродни большевистской, характерная для либеральных, оппозиционных СМИ, не оставили уже у Путина никаких иллюзий по поводу сотрудничества с проамериканской либеральной оппозицией. Сейчас в своих идеологических инициативах, как мне кажется, он исходит из того, что социальной основой политической стабильности его собственной власти является та консервативная и прежде всего провинциальная Россия, которая проголосовала за него в марте 2012 года. Путин исходит из очевидного, что основой политической стабильности в России является та часть России, которая сохраняет до сих пор прежде всего традиционную православную идентификацию. Конечно, среди тех, более 60% русских, которые называют себя православными, реально воцерковленные составляют не более 5 – 6%. Если до революции русскость была связана прежде всего с православной верой (Федор Достоевский настаивал на том, что нельзя быть русским, не будучи православным), то сейчас русскость связывается

с православными семейными традициями, в лучшем случае – с осознанием того, что православие сыграло решающую роль и в формировании российской государственности, и в формировании российской культуры.

Таким образом, логика удержания Путиным власти целиком совпадает с мировоззренческой логикой антикоммунистической революции, которая якобы имела место быть у нас в 1991 году. Не может не видеть Путин и то, что на самом деле нет серьезных качественных различий между мировоззрением его основных противников, мировоззрением либеральной и коммунистической оппозиции. У нас мало обращают внимание на то, что либеральная интеллигенция в лице ее лидеров подвергает критике не ленинский Октябрь в целом, не «красный проект» в целом, не саму идею социалистической индустриализации в целом, а лишь так называемый «сталинский тоталитаризм», «сталинские репрессии» и т.д. Путин же с самого начала появления на политической сцене, признавая некоторые несомненные достижения советской эпохи, все же называл «красный», большевистский проект «тупиковым». Речь, с его точки зрения, здесь шла о проекте, о коммунистическом идеале, воплощение в жизнь которого потребовало неслыханных, даже бессмысленных жертв. И, кстати, с осознанием этой трагедии как национальной трагедии, с его точки зрения, тоже связано формирование русского национального сознания. «Для нас, - говорил Путин во время своего выступления у Поклонного креста на Бутовском полигоне 30 октября 2007 года, - это особая трагедия. Это случалось, когда привлекательную на первый взгляд, но пустую на поверку идею пытались ставить выше основных ценностей – человеческой жизни, ценности прав и свобод человека... Масштаб трагедии колоссальный: сотни тысяч, миллионы погибли. Причем это были люди со своим собственным мнением, которые не боялись его высказывать, цвет нации. Мы до сих пор ощущаем эту трагедию на себе». Все это говорит о том, что по крайней мере в речах Путина идет действительно переход от советской русской национальной идентичности к консервативной, осознание трагичности всего этого пути, который начинался с Октября Ленина.

Отсюда и стремление Путина реанимировать все, что можно реанимировать и что было запрещено и уничтожено большевиками. Отсюда и решение, к примеру, о возобновлении и «географического общества», и «военно-патриотического общества», решение о возвращении в пантеон русской славы героев Первой мировой войны. Кстати, как известно, Путин сыграл важную роль в объединении русской зарубежной православной церкви с РПЦ. Консервативная логика формирования новой российской культурной идентичности неизбежно связана с реанимацией институтов и ценностей дореволюционной России.

Все это дает основание говорить о том, что нынешняя откровенная идеологизация внутренней политики Путина, актуализация им целого ряда идеологических задач ны-

нешнего переходного периода, вызваны как раз идейно-политическими особенностями его второго прихода в Кремль. Ни одна из предшествующих президентских выборных кампаний не была так идеологизирована, как последняя, никогда ранее Путин не заявлял о себе так зримо и откровенно, как русский традиционалист и консерватор, как поклонник русской старины..

2. Идейно-политическая ситуация в России накануне президентских выборов 2012 года.

Жесткая политическая борьба, отличающая президентские выборы 2012 года, обнаружила глубочайшие идейные, мировоззренческие расколы России. Спор на самом деле шел не о Путине как о личности, сколько о его программе развития посткоммунистической России. Речь идет о споре, истоки которого лежат в выборах начала 90-х: или мы создаем особую демократическую Россию, которой никогда не было и которая не имеет корней в прошлом, или же мы становимся на путь реставрации всего, что может послужить современной демократической России. Для либеральной интеллигенции, для «рассерженных горожан» Путин неприемлем прежде всего из-за его ставки на «национализацию России», из-за его политики восстановления традиционного русского великодержавия, опоры на собственные силы в деле обеспечения безопасности страны, из-за его политики сохранения целостности исходной многонациональной России. Кстати, как я уже сказал, ни один из лидеров России за последние сто лет не подчеркивал так жестко именно исходную многонациональную природу России, как Путин.

Президентские выборы 2012 года обнаружили глубокий раскол элит и прежде всего раскол между прозападной либеральной элитой и традиционалистски настроенной, прежде всего провинциальной частью российской элиты. Выборная кампания 2011 – 2012 годов обнаружила, что идейные расколы начала 90-х не только сохранились, но обострились, приобретали черты непримиримой вражды. Либеральная элита исходит из известного тезиса ныне покойного советского философа Владимира Библера, который настаивал на том, что новая демократическая Россия не должна ничего брать из старой, дореволюционной традиционной России. Традиционалистская и прежде всего связанная с РПЦ элита, напротив, считает, что спасение новой России – в реанимации ее исходных, традиционных ценностей, как любит говорить патриарх Кирилл (базовых ценностей).

И, на мой взгляд, описанная выше консервативная логика формирования российской идентичности, при всем своем традиционализме, больше дает для сохранения политических свобод в России, чем жажда либералов покончить со всеми остатками традиционной русскости. Сохранение нынешних идейных расколов неминуемо приведет к гибели

нынешней, уже последней России. Мы до сих пор, в отличие от других бывших социалистических стран Восточной Европы, не создали идейные и, следовательно, моральные условия для устойчивого, стабильного развития. В обществе до сих пор нет согласия по поводу смысла и цели существования новой России. У нас так и не решен вопрос об исторической преемственности, об отношении новой России к социалистическому и к досоциалистическому прошлому, о происхождении и базовых ценностей новой российской нации.

И тут на пути решения этих проблем есть откровенные препятствия, которые не так-то просто преодолеть. С одной стороны, логика становления стабильности в посткоммунистической России предполагает, на чем настаивает Путин, утвердить «ценности и институты», которые, с его точки зрения, являются «фундаментальными, государственно образующими» и которые «не подлежат никакой ревизии». Но все дело в том, что у нас по Конституции нельзя устанавливать общеобязательные идеологические ценности, у нас по Конституции все идеологии равны перед законом (Статья 13). «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».

Нашу Конституцию 1993 года, как известно, писали воинствующие атеисты, писали люди, которые были убеждены, что патриотизм является «последним убежищем негодяев», нашу Конституцию писали люди, которые были убеждены, что новая демократическая Россия ничего не должна брать из своего досоциалистического прошлого. Названная выше 13 статья нашей Конституции, признающая равенство всех идеологий перед законом, тем самым признает право и на смердяковщину, право на борьбу с Россией и всем русским. Попробуйте в той же Польше в СМИ, публично поставить под сомнение решающую роль Костела, национальной церкви и в формировании единства польской нации, и в формировании польской культуры. Это невозможно, ибо в Польше Конституция продолжает защищать исходное, христианское происхождение польской государственности и польской нации.

В начале нулевых, когда Путин пришел к власти, казалось, что решение вопроса о базовых ценностях новой России можно отложить на потом, что начинать строительство стабильности надо с восстановления территориальной целостности, с выдворения олигархов из Кремля, с захвата у них командных высот в экономике, с воссоздания разрушенной в начале 90-х вертикали власти. Все эти задачи, хотя не полностью, Путиным были решены,

Но как показывает нынешняя политическая ситуация, ни восстановление вертикали власти, ни восстановление территориальной целостности, ни даже укрепление авторитета страны на международной арене, обеспечение военной и экономической безопасности не

ведут к политической стабильности, если в обществе и, самое главное, среди элиты нет консенсуса по поводу фундаментальных ценностей. Вместо послереволюционной стабилизации мы получили рост агрессии, не столько жажду перемен, сколько жажду бури, разрушения.

Российская государственность, основное достояние, которое оставили нам наши предки, не является ценностью для подавляющей части новой, «успешной» России. Драма современной России как раз и состоит в том, что как раз наиболее успешная и наиболее образованная часть молодой России лишена государственного мышления, не хочет нести никакой ответственности ни за прошлое России, ни за ее будущее. Свобода, освобождение от остатков тоталитаризма, как мы видим, привела во многих случаях к освобождению от естественной, нормальной привязанности человека к своей Родине. Парадокс, на самом деле драма новой России состоит в том, что у нас рост благосостояния людей, рост комфорта ведет к уменьшению тех, кому «за державу обидно».

И серьезность нынешней ситуации состоит в том, что у либеральной интеллигенции, которая хочет построить Россию, в которой не было бы никакой русскости, не было тех, кому «за державу обидно», сегодня куда больше сторонников, чем их было в начале нулевых. И я убежден, что если бы у нас Конституция защищала базовые институты и ценности, защищала бы целостность страны, традиции воинской доблести, достоинство русской православной культуры, отмечала бы решающую роль РПЦ в сохранении преемственности российской истории, если бы в ней было очерчено, о чем нельзя спорить в России, то национального нигилизма сейчас было бы у нас меньше. Маразм группы «Pussy riot» возможен только в стране, которая не умеет защищать свои исходные ценности.

Либеральная интеллигенция имеет множество «заединщиков» в главном, в деле борьбы с так называемыми «остатками российской имперскости», заединщиков в деле преодоления исходной многонациональной природы российского государства, в деле уничтожения России. Призыв либералов уходить с Северного Кавказа, расстаться с мусульманской Россией, активно поддерживается нынешними российскими националистами, и прежде всего этническими националистами. В конце 80-х прошлого века либералов и националистов объединил лозунг «Даешь суверенитет РСФСР!», что и привело к распаду СССР. Сейчас их объединяет лозунг «Перестаньте кормить Северный Кавказ!». И самое поразительное. Сегодня этнические русские поддерживают и либеральную стратегию демилитаризации новой России, и первые и вторые мечтают о превращении России в некое подобие малой, «компактной», нейтральной, безъядерной, удобной для жизни Австрии.

Сегодня становится ясно, что свобода в новой, некоммунистической России проявляет себя, прежде всего, как право на разрушение России, на освобождение себя от всего, что когда-то было дорого русскому человеку, что связывало его с родиной. И надо знать и понимать, что для интеллектуалов и политиков, которые называют себя в России либералами, свобода и демократия означали прежде всего право на «ломку» российской традиции, на переделку России и российского населения по своему подобию. И самое поразительное, что сейчас желающих «ломать» Россию не меньше, чем в начале 90-х.

Либералы всегда были у нас корпорацией, претендующей на идейное и политическое господство в России, на право указывать «остальному населению», как ему жить. И надо отдать должное их прямоте и политической честности. Они только себя считают «адекватными вызовам времени» и настаивают на том, что Россия как особая ментальность, как российская культура в целом, стали «критически неадекватны» вызовам современности¹. И при этом, как всегда, уже на протяжении четверти века либералы требуют от россиянина, чтобы он убрал из своей души «имперский эгрегор», расстался с ценностью государственности как «изживаемой ценностью». Есть что-то назойливое и подозрительное в этом страстном желании вытравить из русского национального самосознания «имперскую доминанту». Есть что-то садистское во всей нынешней организованной либералами кампании по дискредитации РПЦ и ее иерархов. Либеральная интеллигенция не может простить церкви, патриарху Кириллу активную поддержку Путина во время выборной президентской кампании 2012 года.

И, повторяю, трудно сказать, что идет у Путина в его консервативной философии русской идентичности от логики нынешней политической борьбы, которая еще сильнее, чем раньше, толкает его к союзу с традиционалистской, государственнической Россией, а что – от объективной логики декоммунизации страны. Но обращает на себя внимание, что если Путин в нулевые связывал русскость прежде всего с великодержавием, с традиционным российским суверенитетом, независимой внешней политикой, то в последнее время он все чаще и чаще обращает внимание на исключительную роль РПЦ и в формировании российской государственности, и в формировании русской культуры, русской нации.

3. Путин о месте РПЦ в формировании русской национальной идентичности

И я рискну утверждать, что сегодня Путин так жестко связывает русскость с традициями, наследством Православия не только потому, как писал Иван Ильин, что «русский национальный акт и дух был взращен в лоне Православия и исторически определен его

¹ См.: *Игорь Яковенко*. Образование новой России // «Новая газета», 18.03.2012.

духом»¹, но и в силу того, что, по его мнению, сохранение стабильности в стране, его собственной власти во многом зависит от качества и темпов возрождения РПЦ. Вот почему РПЦ стала, как никогда ранее, объектом и субъектом большой политики.

Путин в последнее время, как никогда жестко, о чем свидетельствует его речь 1 февраля 2013 года перед участниками Архиерейского собора, связывает сохранение российской нации с сохранением возможности «полноценного служения РПЦ в гуманитарной сфере», с сохранением РПЦ как единственного института, который связывает всю русскую историю. Для Путина нынешняя борьба либеральной интеллигенции с РПЦ равносильна борьбе с духовными основами России. «Необходимо помнить о драматических событиях в истории России, - говорил участникам Архиерейского собора Владимир Путин, - в том числе и тех, что произошли в начале XX века, когда во многом именно с размывания духовных и национальных основ, с настоящей травли Русской православной церкви и других наших традиционных конфессий, началось разрушение единого государства, единой страны, ее срыв в революции и потрясения».

Эта речь Путина как бы уточняет его философию национально-культурной идентичности России, сформулированную в его послании в декабре 2012 года Федеральному Собранию, и связывает жестко русскость прежде всего с православием как основной традиционной конфессией России. Из чего само собой разумеется, что запечатлено в приведенном выше отрывке из речи Путина, что для него богоборческая большевистская революция аморальна, ибо она несла для страны прежде всего «потрясения» и «разрушения». И это логично. Если для советского человека родиной СССР был ленинский Октябрь, положивший начало истреблению православности в русской душе, то для человека, связывающего русскость с Православием, Октябрь становится началом большевистского зла, началом уничтожения исходной, исконной России. Если вы связываете русскость жестко с РПЦ, которая по мнению Путина, о чем он часто говорит, сыграла решающую роль и в формировании российской государственности, и в формировании великой русской культуры и в формировании России как многонациональной страны, то антипод РПЦ, сила, которая физически истребила прежде всего русское православное духовенство, взрывала православные храмы, должна быть оценена как антинациональная, антирусская сила. Показательно, что в той же речи перед участниками Архиерейского собора Путин настаивал на том, что именно ожившая в душах русских советских людей православная вера сподвигла их прежде всего на подвиги в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов.

¹ См.: *Ильин И.А.* Собрание сочинений в десяти томах. Том второй. Книга I. М. «Русская книга», 1993 – С. 372.

4. Влияние оценки места и роли ленинского Октября в российской истории на формирование современной национальной российской идентичности.

На примере этой речи Путина перед участниками Архиерейского собора 1 февраля 2013 года становится видно, что определение основных структурных элементов культурной идентичности России и ее роли в истории европейской человеческой цивилизации целиком зависит от нашего отношения к месту и роли коммунистического эксперимента в истории нашей страны. В рамках марксистско-ленинской идеологии самым ценным завоеванием России было все, что привело к ленинскому Октябрю и первому в истории человечества эксперименту по коммунистическому преобразованию общества. При таком марксистском взгляде на исторический процесс из традиционной российской идентичности изымалось все, что негативно оценивалось в рамках коммунистической идеологии, и прежде всего русская православная церковь и выросшая на ее основе, русская по духу православная культура, и, соответственно, русская религиозная философия начала XX века. В рамках марксистско-ленинского взгляда на историю России игнорировалось даже такое «талантливое явление русской духовной жизни» (Федор Степун), как русский символизм Серебряного века. В рамках марксистского взгляда на русскую историю игнорировалось даже традиционное лидерство России в славянском и особенно православном мире, как один из существенных элементов дореволюционной российской идентичности. Но если Вы, напротив, рассматриваете марксистский коммунизм и выросшие на его основе тоталитарные политические системы как угрозу основным ценностям и устоям европейской иудео-христианской цивилизации, ценностям европейского гуманизма, то увидите заслугу, миссию России совсем в другом, в том, что она, как пророчески предвидел Петр Чаадаев, преподнесла человечеству урок на своем опыте, на своих страданиях показала другим народам, что нельзя ни при каких условиях делать. Для европейца, исповедующего гуманистические, демократические ценности, важно знать, что Россия сама освободилась от коммунистического тоталитаризма, что именно начатая под руководством КПСС перестройка способствовала бархатным революциям в странах Восточной Европы. Если вы возвращаетесь к исходным христианским ценностям европейской цивилизации, то вы тогда, как обратил внимание в своих «Мыслях о России» тот же Федор Степун, увидите, что заслуга России перед Европой, заслуга ее литературы, философской мысли состоит в том, что она первая предупредила человечество о разрушительной, античеловеческой сущности так модной в XIX веке идеи социализма. И здесь на самом деле русское первородство, коренной признак русской духовной идентичности. Россия в лице ее лучших умов первая увидела тот кошмар, который несет в себе философия коммунистическо-

го переустройства мира. «Социально-политически и экономически бесконечно отсталая Россия, – писал Федор Степун в своих «Мыслях о России», – в сфере своего религиозно-эстетического сознания шла в лице Достоевского, Толстого, Соловьева и их последователей впереди Европы... Она на революционном опыте Европы гениально, но в отношении своих собственных исторических задач как бы преждевременно, учла все возможности прискорбных последствий революционирования мысли широких народных масс»¹.

Если оценивать культуру прежде всего как систему ценностей, движений души, способствующих обузданию зверя в человеке, способствующих осознанию поэтики добра, как то, что развивает чувство добра и красоты в человеке, то есть все основания говорить, что Достоевский своими «Бесами», русская религиозная философия (примером чему «Вехи») впервые показали человечеству аморализм, губительную силу революционного мессианизма, вообще идеи социалистического переустройства мира. Нельзя на самом деле создать адекватный образ о культурной, цивилизационной русскости, не учитывая этот огромный вклад Федора Достоевского, Владимира Соловьева, а затем выросшей на этой идейной основе русской религиозной философии Серебряного века в разоблачении исходной античеловечности, исходном тоталитаризме коммунистической утопии. И совсем не случайно образованный европеец, тем более консервативных взглядов, связывает русскость прежде всего с Федором Достоевским точно как немецкость с Гете и Шиллером.

Нельзя не видеть, что новая Россия очень многое потеряла в глазах общественности не только Запада, но и в глазах интеллигенции Восточной Европы из-за того, что, о чем я уже говорил выше, не приступила после августовской демократической революции 1991 года к последовательной декоммунизации, к реставрации дореволюционной российской идентичности. За эти годы наша политическая элита ничего не сделала для реставрации русскости как славянства, как выражения лучших качеств общей славянской нации. Как было бы правильно в этой связи вспомнить, что славянские страны Европы, и прежде всего Югославия, Чехословакия, Болгария после окончания нашей гражданской войны 1918 – 1920 годов сделали все возможное и невозможное, чтобы смягчить участь беженцев из России, солдат и офицеров Белой гвардии, смягчить участь российской интеллигенции, бежавшей из России в эти годы. Мало кто у нас в России знает, что практически все студенты Московского и Санкт-Петербургского университета, оказавшиеся в годы гражданской войны вне страны, бесплатно завершили свое образование в Пражском, Белградском, Софийском университетах. У нас мало кто знает, что до первой мировой войны практически вся чешская интеллигенция отличалась славянофильством и русофильством,

¹ *Степун Ф.А.* Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. – С. 168.

и по этой причине чехи, призванные властью Австро-Венгрии в армию, не воевали против русских, сотнями сдавались в плен, переходили на русскую сторону. Правда, белочехи сдали Колчака большевикам, выторговывая у них право вернуться на Родину.

Конечно, на мой взгляд, очень важно и для формирования внешнего образа России и особенно для оздоровления духовной ситуации в самой стране, что Путин защитил Православие как один из краеугольных корней российской идентичности, сказал, что Православие является стержневым «институтом» для российской истории. Но историческая правда требует, чтобы к идентификации России как православной страны, как неотъемлемой части европейской христианской цивилизации, была добавлена история борьбы лучших представителей российской нации против идеологии и практики коммунистического тоталитаризма. У нас уже забыли, что изданный в самиздате в 1974 году под редакцией А.Солженицына сборник статей «Из-под глыб», был развитием идеологии веховства, прямым продолжением веховского разоблачения большевизма. Европа не знает о русском сопротивлении русскому коммунизму, большевизму, а том, что коммунизм насаждался в России при невиданном в истории человечества насилии. По крайней мере Восточная и Центральная Европа, которая уже двадцать лет празднует освобождение от навязанного ей после окончания второй мировой войны советской модели социализма, должна знать, что русский коммунизм был отнюдь не русским выбором в точном смысле этого слова, что существует целая история русского сопротивления большевизму и созданной ими политической системы. В этой галерее героев борьбы с коммунистическим тоталитаризмом, борьбы за сохранение того, что сейчас мы называем вслед за Путиным и русскими святынями, и русскими традициями, и лидеры белого движения и десятки тысяч православных священников, которые умерли мученической смертью, сохранив верность религии своих предков. Не может быть правды о России и русскости, не принимая во внимание, что русское православие, как писал Николай Бердяев, как и все христианство, является религией «распятой правды». В годы революции, в 20-е «русские православные священники в лучшей своей части остались верны святыне, мужественно защищали православие, мужественно шли на расстрел. Христиане показали, что они умеют умирать. Русская православная Церковь внешне унижена и растерзана, но внутренне возросла и возвеличена»¹. И трудно объяснить, почему руководство РПЦ уже в условиях новой, посткоммунистической России мало что делает для прославления священников-мучеников, для пропаганды знаний о русском сопротивлении, богоборческой власти и богоборческой идеологии.

Восстановление ценностных представлений о российской культурной, духовной идентификации важно не только для формирования правильного в культурном, гумани-

¹ Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое Средневековье. М., 2002. – С. 282.

тарном, смысле образа России, но и для формирования полноценного национального сознания у современного русского человека. Надо и здесь учитывать, что изначально красный, большевистский образ России как страны «победившего социализма» предполагал искоренение из сознания русского, советского человека значительной части исторической памяти, а тем самым – сердцевины культурной российской идентичности. Вместе с «царистским прошлым» и старой Россией как «тюрьмой народов» вычеркивалась духовная история русского Православия, знание о святых древней Руси, знание о русской религиозной философии. Справедливости ради надо сказать, что, как писал Георгий Федотов, русский народ еще до 1917 года «почти забыл имена Кирилла Белозерского и Иосифа Волоцкого, двух и самых чтимых святых Московской Руси. Побледнели для него и северные пустынноики и Новгородские, но в эпоху империи расцветает почитание св. князей Владимира и Александра Невского. Быть может, лишь имя преподобного Сергия Радонежского сияет никогда не меркнувшим светом на русском небе, торжествуя над временем»¹. Справедливости ради надо сказать, что в целом, если бы православная русская идентичность была столь же сильна, как была сильна польская католическая идентичность, то большевики никогда бы не победили в России. Ситуация с формированием российской культурной идентичности тем и сложна, что приходится включать в нее то, что было в ней ослаблено, независимо от степени развитости исходных оснований традиционной российской идентичности.

Отсюда напрашивается и анализ многих серьезных, и объективных и субъективных препятствий на пути формирования консервативной российской культурной идентичности, к которой призывает Путин. Вообще нет никаких гарантий, то можно в массе бывших советских людей, осознающих себя, прежде всего, первопроходцами социализма, будущего человечества, превратить в тех русских, которые жили до 1917 года и которые погибли в ходе семидесятилетнего коммунистического эксперимента. Но сначала о том, что, на мой взгляд, возможно, о восстановлении и реабилитации тех ценностей, которые лежат в основе российского патриотизма, и которые в измененном виде присутствовали даже в советской, более точно – в сталинской интерпретации русскости.

5. Преемственность между консерватизмом Путина и либеральным консерватизмом Петра Струве

Путинская логика реставрации сердцевины дореволюционной российской духовной и цивилизационной идентичности неизбежно возвращает нас ко всему, что думали и писали на эту тему русские мыслители в годы гражданской войны 1918 – 1920 годов и

¹ (Георгий Федотов. Святые древней Руси. М., 2003. – С. 21.

позже, в изгнании. И это вызвано тем, что идеологами русского западнического или либерального консерватизма, к которому Путин приходит постепенно, во многом стихийно, как раз и были авторы знаменитых «Вех», сборника «Из глубины». И мне думается, что для уяснения сути русской или российской идентичности, русского «сознательного патриотизма», к примеру, труды Петра Струве куда больше дадут Путину, чем публицистика Александра Солженицына, который в главном все же оставался советским человеком.

Кстати, еще в самом начале гражданской войны, летом 1918 года, Петр Струве, говоря о национальных задачах посткоммунистической России, обращал внимание на необходимость восстановления у россиян национальной памяти после смерти русского коммунизма. И это еще одно свидетельство того, что в странах, которые решают уникальные задачи трансформации советского социализма в нормальное демократическое общество, восстановление национального сознания у населения, прошедшего через процесс коммунистической переделки человека, тесно связано с восстановлением исторической памяти. Правда состоит в том, о чем уже было сказано выше, что в момент распада социализма культурная идентичность, национальная память у постсоветских россиян оказалась слабее, чем аналогичная идентичность у поляков, венгров и даже болгар. И это несмотря на то, что русские в широком смысле этого слова обладают мировой по значимости культурой. Как писал в начале 20-х в своих «Письмах о русской культуре» Георгий Федотов, «гениев мы имели достаточно за истекший век. Вряд ли другой народ имел столько великих людей за одно столетие»¹. Но все эти специфические русские проблемы, которые возникают после крушения советской власти, Петр Струве предвидел еще в августе 1918 года. После того, как Россия покончит с «властью социализма», писал Петр Струве, она должна «сказать каждому русскому юноше: России безразлично, веришь ты в социализм, в республику или в общину, но ей важно, чтобы бы чтит величие ее прошлого и чаял и требовал величия для ее будущего, чтобы благочестие Сергия Радонежского, дерзновение митрополита Филиппа, патриотизм Петра Великого, геройство Суворова, поэзия Пушкина, Гоголя и Толстого, самоотвержение Нахимова, Корнилова и всех миллионов русских людей, помещиков и крестьян,, богачей и бедняков, бестрепетно, безропотно и бескорыстно унижавших за Россию, была для тебя святынями, ибо ими, этими святынями, творилось и поддерживалась Россия как живая соборная личность и как духовная сила. Ими, их духом и их мощью мы только и можем возродить Россию»². Приведенный выше отрывок из статьи П.Б. Струве «Исторический смысл русской революции» показателен тем, что в

¹Федотов Г.П. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. – С. 535.

² Вехи. Из глубины. М.: изд-во «Правда», 1998. – С. 476.

нем по сути названы все фундаментальные особенности дореволюционной российской культурной идентичности.

Во-первых, в этой идентичности нет ни грана этничности. Сам Струве по крови немец. Но он об этом не думает. Ибо для него, вообще для дореволюционной интеллигенции русскость – это прежде всего русский патриотизм, православность и одновременно духовный выбор, личное сопереживание истории, судеб России. Интересно, что наиболее тесно связывал русскость с духовным выбором, с сыновней привязанностью к России именно немец по матери Иван Ильин, которого часто обвиняют в этническом национализме. Россия до революции воспринималась как многонациональная страна с великорусской доминантой и доминантой Православия и, соответственно православной духовной культуры.

Во-вторых, как видно из текста Петра Струве, русскость, величие России у него тесно связаны с великой русской культурой и прежде всего с великой русской литературой, то, что он называет «поэзией Пушкина, Гоголя и Толстого». Непонятно, почему он, как один из духовных отцов веховской традиции, не вспоминает своего духовного наставника Федора Достоевского в связи с великой русской литературой. Но в любом случае величие России с его точки зрения невозможно оторвать от величия русской литературы. Сегодня мы вправе дополнить названный список именами забытого, но столь же великого Василия Васильевича Розанова. О нем специально упоминает Федор Степун в своих размышлениях о великих литераторах России.

В-третьих, как видно из приведенного выше текста Петра Струве русскость, ее величие, ее особенность связывается с русской воинской славой, с великими победами русского оружия, с российской великодержавностью. Кстати, Петр Струве был одним из первых певцов российской великодержавности, российской государственной чести. «То, что в новейшее время называют империализмом, - писал Петр Струве в своей статье «Отрывки о государстве», - есть более или менее ясно постижение того, что государство желает быть и – насколько государство ценно для личности - должно быть мужественно»¹ Именно в связи с русским государственным делом, с российской великодержавностью, которые для него являются коренными признаками русскости, тем, что мы сейчас называем чертами российской культурной идентификации, Петр Струве и обращал внимание на патриотизм Петра. В статье «Великая Россия», название само по себе говорит о том, что до революции связывалось с русскостью, то есть с Великодержавием. «Только если русский народ будет охвачен духом истинной государственности и будет отстаивать ее смело в борьбе со всеми ее противниками, где бы они ни укрывались, – только тогда, на основе

¹ Струве П.Б. PATRIOTICA. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. – С. 66.

живых традиций прошлого и драгоценности приобретений живущих и грядущих поколений, будет создана – Великая Россия» (там же, с. 63). Не составляет особого труда продолжить линейку дореволюционных русских героев воинской славы советскими героями Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов, после фамилий Суворова, Нахимова и Кутузова без всяких комментариев поставить фамилии Жукова, Рокоссовского, Конева и других. Русский героизм в борьбе с внешним врагом не имеет идеологической окраски. Кстати, это в конце концов понял и Сталин. Хитрость Путина как раз и состоит в том, что он требует увековечить память многих лидеров Белого движения прежде всего как героев Первой мировой, все же отечественной войны.

В-четвертых, как следует из анализируемого текста, русскость для Струве, и здесь он отражает взгляды, характерные для всех выдающихся представителей русской религиозной философии, связывается с русской православной Церковью. И здесь делается, кстати, акцент не столько на православие, сколько на подвижничество и благочестие выдающихся представителей русской православной церкви, на тех, кто своим служением Христу, служением добру прославил Россию. И совсем не случайно в условиях начавшейся гражданской войны Петр Струве говорит о дерзновении митрополита Филиппа, восставшего против садистских наклонностей своего царя Ивана Грозного. Вообще оценка убийства Иваном Грозным митрополита Филиппа является узловым моментом в понимании русскости. Георгий Федотов считал, и на этой позиции был и Петр Струве, что само прославление митрополита Филиппа как «величайшего мученика за правду» означает, что для нас, для русских, невозможно «оправдать никакими государственными соображениями... аморализм презрения к человеческой справедливости тираническую кровопийственную жестокость» (Георгий Федотов. Святые древней Руси. С. 343). Надо знать, что для подавляющей части дореволюционной российской интеллигенции, верующей в бога, ощущающей себя православными людьми, независимо от их отношения к православному духовенству, к церковным иерархам, русскость была тесно связана с моральным сопереживанием мира, с признанием того, что сегодня называется безусловными, моральными ценностями. Отсюда и негативное отношение к Ивану Грозному, к его государственничеству на крови, к государственничеству, отягощенному жестокостью и садизмом опричнины. Отсюда и практически единодушное осуждение большевизма как бандитизма, оправдываемого великими идеалами.

И, наконец, в-пятых, что не мог о себе и своих единомышленниках, к примеру, о Семене Франке, о Сергее Булгакове, сказать Петр Струве, невозможно себе представить русскую культуру, историю духовной жизни человечества, без упоминания о русской религиозной философии начала XX века. Необходимо помнить, что по мнению Камю пред-

течей европейского экзистенциализма XX века как раз и была русская религиозная философия Серебряного века. Камю в этой связи называл Николая Бердяева. Но список выдающихся представителей русской религиозной философии начала XX века шире, в него входит и Сергей Булгаков, и Семен Франк, и Лев Шестов.

Вообще, если исходить из общепринятого представления, что ленинский Октябрь и последующая гражданская война, не говоря уже о предпринятом большевиками коммунистическом эксперименте, столь же важны для понимания природы человека, как и вся эпопея, связанная с Великой Французской революцией, то можно смело сказать, что предпринятый русскими мыслителями и литераторами анализ духовной человеческой сущности русской революции 1917 года тоже имеет всечеловеческое значение. Лично от себя рискну сказать, что анализ психологии, этоса большевизма, этоса радикального революционизма, который содержался уже в сборнике «Из глубины», а затем в целом ряде исследований, начиная «Окаянными днями» Бунина, «Несвоевременными мыслями» Максима Горького, «Петербургскими дневниками 1914 – 1919 годов» Зинаиды Гиппиус, «Очерками великой смуты» Антона Деникина, и кончая «Мыслями о России» того же Федора Степуна и «Письмами о русской культуре» Георгия Федотова, куда глубже и серьезней, чем размышления Де Местра о человеческой сути Французской революции.

6. Преемственность между дореволюционной российской идентичностью и сталинской трактовкой русскости.

И совсем не случайно все эти русские размышления о русском коммунизме, уникальный опыт исследования природы и последствий революционного насилия, насилия фанатиков от коммунизма, были под запретом в СССР. Коммунизм в СССР умер в тот момент, когда правда о моральном уродстве Октября стала доступна для миллионов. Конечно, частичная реставрация русской дореволюционной идентичности, особенно реставрация ценностей российского государственничества началась еще при Сталине. Сам тезис о возможности победы социализма в отдельно взятой стране предполагал реабилитацию традиций государственного суверенитета России. Но Сталин из дореволюционной российской культурной идентичности не берет главное, моральную, христианскую оценку нашей национальной истории и ее героев. Надо учитывать, что в 20-е годы, до перехода в 1929 году власти в руки Сталина, когда Россия рассматривалась ленинской гвардией только как трамплин для мировой пролетарской революции, в СССР в школе вообще не изучали ни историю дореволюционной России, ни историю русской литературы XIX века. Только в 30-е, вслед за укреплением сталинской идеологии о возможности победы в отдельно взятой стране, начинается переход большевиков на позиции национал-социализма,

а тем самым начинается осознанное формирование русской национальной идентичности на социалистический манер. Философия этой идентичности прямо противоположна той, которую предлагал в упомянутом выше тексте Петр Струве. Сталин противопоставил государственный подход Ивана Грозного моральной позиции митрополита Филиппа, Сталин вообще вытеснил из национальной русской идентичности религиозность, православность и свел ее прежде всего к государственничеству и великодержавности. Отсюда и реабилитация Сталиным Ивана Грозного и его опричнины, борьбы с боярством как государственной необходимости. И, кстати, здесь Сталин идет вслед за историками так называемой «социальной школы», в частности, Робертом Виппером. Отсюда и сталинское возвеличивание Петра не просто как патриота, но и как основателя российской империи. Далее, обращает на себя внимание то, что Сталин, правда уже накануне войны, идет вслед за советами Петра Струве и начинает целую эпоху возвеличивания царских полководцев, военачальников, что было немыслимо при Ленине, в 20-е, начинается возвеличивание и героизация Суворова, Нахимова, Ушакова, Кутузова и других героев прежде всего Отечественной войны 1812 года. Русскость при Сталине жестко привязывается не только к великодержавию, но и к воинской доблести, смелости, самопожертвованию. Но при этом по понятным идеологическим причинам из национальной памяти вычеркивается русская героика Первой мировой войны. Нельзя было славить Октябрь и героев гражданской войны, Буденного и Чапаева, и одновременно генералов – героев Первой мировой, которые возглавили Белую гвардию. К удивлению русской эмиграции Сталин, как и предлагали авторы сборника «Из глубины», как никогда жестко связывает величие России с великой русской литературой и именно с поэзией Пушкина, Гоголя, Толстого, Ивана Тургенева. Культ Пушкина при Сталине, при советской власти достигает такой высоты, которой он не знал до революции. И здесь, как отметили проницательные умы русской эмиграции, советская власть начинает сама рыть себе могилу. Начатая при Сталине реабилитация, как ее называли в 20-е, дворянской литературы действительно вела к реанимации моральных, христианских ценностей, несовместимых с классовой моралью марксистской идеологии. Правда, при этом по сути под запретом остается автор «Бесов» Федор Достоевский. И выросшая из его «Великого инквизитора» русская религиозная философия. Но при этом и при Сталине, в целом при советской власти всячески подчеркивается многонациональная природа России при определяющей роли русского этноса. При Сталине, особенно после Второй мировой войны, на начальном этапе строительства социализма в Восточной Европе, возрождается традиционное представление о России, о советской России, как о лидере, защитнице достоинства и суверенитета славян. Возрождается героика Шипки, русско-турецкой войны на Балканах и даже героики царского генерала Скобелева. И, наконец, в

период борьбы с «безродным космополитизмом» русскость, величие России начинает тесно привязываться к достижениям русских в области науки и техники, пропагандируются заслуги перед мировой наукой Менделеева, Пирогова, Мечникова, Попова, Ладыгина и других российских дореволюционных естествоиспытателей.

Петр Струве в своем списке имен великих русских не вспоминает даже о Михаиле Ломоносове. А при Сталине сотни улиц и учреждений стали носить имя первого русского ученого. Именно при Сталине была сформулирована концепция российской культурной идентичности, которая по инерции доминирует в сознании посткоммунистических русских и определяет специфическое восприятие ими себя и своей страны.

Кстати, если Вы дополните список русских героев, великих личностей, которыми, по мнению Петра Струве, должен гордиться уже посткоммунистический русский человек, именами как дореволюционных, так и советских выдающихся ученых, прославивших русскую науку, вслед за Менделеевым и Циолковским назовете, к примеру, Цандера и Королева, то у вас сложится более или менее законченная картина абсолютных, непререкаемых русских ценностей. Правда, со строительством линейки гениев русской культуры, русской литературы возникает множество вопросов. С одной стороны, советская послереволюционная литература, прославлявшая красную расправу над бывшими, призывающая, как Эдуард Багрицкий, «убий, убий», является неотъемлемой частью русской культуры. Но какое отношение имеет поэтика расправы красных над бывшими, к примеру, «Конармия» Исаака Бабеля, к русской национальной идентичности? Тут необходимы серьезные дискуссии!

По крайней мере, консервативная логика определения русской национальной идентичности, которая характерна для Путина, само восприятие им революции как беды, как драмы, ведущей к подрыву физической и духовной жизнеспособности нации, заставляет негативно относиться и к тем, кто прославляет эту беду, ищет праздник в поэтике крови, убийств. Невозможно славить РПЦ как непререкаемую, при всех оговорках, национальную ценность и одновременно славить тех, кто убивал тысячами православное духовенство, взрывал православные храмы. *Постмодернистская логика не работает при формировании национальной идентичности.* Невозможно настаивать на решающей роли РПЦ в формировании российской государственности и русской культуры и одновременно продолжать славить Октябрь Ленина как выдающееся достижение русской истории, рассматривать море крови нашей гражданской войны как свидетельство «уникальной глубины и размаха революции». Без восстановления морального отношения и к персонажам нашей национальной истории, в том числе к большевизму, без соединения традиции государственничества и патриотизма с моралью, с осознанием ценности каждой человеческой лич-

ности невозможно всерьез говорить о духовной основе русской национальной идентичности.

7. О качественных отличиях между советской русской идентичностью и традиционной русской культурной идентичностью, основанной на православии.

И здесь, в отсутствии у посткоммунистического человека в целом способности морально сопереживать свою национальную историю, выработать в себе отвращение к русским традициям насилия над человеком, и прежде всего выработать отвращение к большевистскому опыту геноцида собственного населения, и состоит, на мой взгляд, основное препятствие на пути формирования сегодня культурной русской национальной идентичности. Идентичности в духовном смысле этого понятия. С чисто технической точки зрения не составляет особого труда найти линии преемственности между дореволюционной российской идентичностью, сталинско-советской и нынешней посткоммунистической российской идентичностью. Во все эти три периода национальной истории русскость жестко связывалась с великодержавием, государственным суверенитетом, с единством и целостностью многонациональной страны, с тем, что принято было называть традиционной российской имперскостью, связывалась с великой русской культурой и прежде всего с великой русской литературой, с величием подвигов русского воинства и, конечно, с уникальным опытом взаимодействия сотрудничества народов Европы и Азии, принадлежащих к различным конфессиям. Национальная политика большевиков во многом повторяла национальную политику царизма как в лучших, так и в худших своих проявлениях.

Трудности при определении нынешней русской культурной идентичности начинаются там, где надо сформулировать свое отношение к линиям разрыва между дореволюционной и сталинско-советской культурной идентичностью. Речь идет прежде всего об отношении к РПЦ, вообще ко всей системе ценностей и институтов, противостоящих идеологии и практике социалистического строительства. Речь идет о героике Белой гвардии, о сотнях тысяч русских людей, которые не приняли советскую богоборческую власть и умирали во имя той России, которая была для них дорога. Среди тех, кто умирал за единую и неделимую Россию, героизма было не меньше, чем героизма со стороны тех, кто умирал «за рабочее дело». Но правда состоит в том, и с этим нельзя не считаться, что описанная выше консервативная логика определения русской национальной идентичности противоречит мировоззрению и настроениям подавляющей части нынешних русских. Для них, для последних, героика красных, героика Чапаева куда ближе, чем героика Деникина и Врангеля. На самом деле и идеологически, и по образу мышления подавляющей части населения нынешняя Россия продолжает советскую историю, живет советскими ценно-

стями. Отсюда и парадоксальная ситуация. После совершения антикоммунистической, антиаппаратной революции мы стремимся сберечь как можно больше советских символов и ценностей, начинаем славить даже сталинскую индустриализацию, которая, как признает сам Путин, убила русское крестьянство, подорвала жизненные силы народов СССР. Правда «красных» куда более значима для постсоветского русского человека, чем правда «белых».

Многое здесь зависит, как было сказано, и от отношения к нравственному подходу в оценке исторических деятелей и исторических событий, и, конечно, от нашего понимания места и роли России в истории европейской цивилизации. Если вы рассматриваете Россию как составную культурную часть европейской христианской цивилизации, если у вас понятия «культура» и «культурный прогресс» неразрывно связаны с гуманизацией жизни человека, облагораживания его чувств и помыслов, если для вас культура – это прежде всего прорывы человечества на пути самопознания, проникновения в глубины человеческой души и человеческих помыслов, с возделыванием души человека (это прежде всего Платон, Ветхий и Новый завет, Шекспир, Гете, Достоевский), то вы составите один список русских выдающихся деятелей культуры и русских культурных ценностей. Кстати, при таком моральном подходе к российской истории у вас сразу же возникнет вопрос о человеческой цене многих достижений советской эпохи, о цене сталинской коллективизации и индустриализации, и даже о нечеловеческой цене наших побед во время войны с фашистской Германией. А если для вас Россия – особая цивилизация, имеющая якобы особые ценности, особая цивилизация, якобы во всем противостоящая европейской цивилизации, противостоящая Западу, то у вас будут совсем другие герои, совсем другая иерархия национальных ценностей. Если начавшаяся после распада СССР реставрация славянофильского мифа о русских как об особом народе-коллективисте, особом коллективистском «племени», как писал даже Федор Достоевский в своих «Зимних заметках о летних впечатлениях», овладеет окончательно умами постсоветской России, то у вас главной ценностью будет созданный большевиками советский коллективистский строй, то у вас неизбежно будет расти враждебность к западной, якобы индивидуалистической цивилизации. Но надо отдавать себе отчет, что попытки пойти вслед за КПРФ и связать русскость с коллективизмом, с общинностью являются вызовом не просто исторической правде, но всей русской общественной мысли, которая в главном противостояла народническому мифу о русских как народе-коллективисте. Надо знать, что даже русские марксисты вели идейную борьбу с народническим мифом о русских как народе-коллективисте.¹ Тот же Георгий Федотов, уже в 30-е, напоминает, что мы, т.е. российская интеллигенция, «при-

¹ См.: Плеханов В. Наши разногласия.

выкли считать, что русский человек – индивидуалист-одиночка, не способный к организации и общему делу»¹. Надо понимать, что приведенная выше иерархия русских культурных достижений по Струве, выстроена на основе западничества, на основе убеждения, что ценности свободы совместимы с ценностями государственничества, что моральный подход к русской истории можно совместить с государственничеством, патриотизмом. Отсюда акцент не просто на православную сущность русской духовной культуры, а на христианское благочестие, христианское подвижничество, отсюда и задача славить подвиг митрополита Филиппа. Надо отметить, что все серьезные тексты, посвященные анализу культурной идентичности России и русских, созданные русскими мыслителями после Октября, основаны на убеждении в исходной христианской европейской природе российской духовности. Показательно, что идеологи евразийства так и не нашли особые русские ценности, отличные от западных. Все русские мыслители, оказавшиеся после Октября за рубежом, отрицали претензии славянофилов и неославянофилов на особую культурную миссию России, отрицали модную до сих пор среди определенной российской интеллигенции веру, что нам суждено открыть путь спасения европейской рыночной цивилизации. Семен Франк и Петр Струве и в 20-е продолжали критиковать Николая Бердяева за сохраняющиеся у него иллюзии об особой русской культурной миссии. Даже Иван Ильин, которого трудно заподозрить в национальном нигилизме, говорил, что «ставить себе задачу «русификации Запада» значит продаваться духовно-беспочвенной и нелепой национальной гордыне и проявлять сущее ребячество».

8. О философских, методологических препятствиях на пути моральной оценки преступлений большевизма.

Конечно, если придерживаться христианских ценностей, даже гуманистических (не следует забывать, что гуманизм, настаивающий на моральной ценности каждой человеческой личности как раз и вырос из христианства), то не трудно увидеть, как это сделали русские мыслители, свидетели Октября, что ленинизм, большевизм в целом – это идеология и практика преступлений против человечности. По тем же критериям, по которым судили национал-фашизм на Нюрнбергском процессе, можно судить и большевизм, и красный, и сталинский террор. Для западного человека, лишенного левых пристрастий, все ясно.

Отцами многих характерных для XX века преступлений против человечности являются большевики, руководимые Лениным. Да, сначала был русский коммунизм в обли-

¹ Там же. – С. 493.

чие большевизма, а потом национал-социализм. Сверхжестокость, жестокость, не ограниченная никакими моральными соображениями пришла в XX век вместе с Лениным. Справедливости ради надо сказать, что Ленина прозвали «палачом» еще в годы его социал-демократической молодости, в конце 90-х XIX века, о чем пишет в своих воспоминаниях о Петре Струве Семен Франк. Азбучной истиной является утверждение Николая Бердяева, что с Ленина «как антигуманиста и антидемократа» начинается эпоха XX века, «не стесняющаяся никакой жестокости». «В этом он (Ленин – А.Ц.), – продолжал Бердяев, – человек новой эпохи, эпохи не только коммунистических, но и фашистских переворотов»¹.

Смысл, особенность почерка большевистских преступлений против человечности наиболее явственно проявился в созданном ими институте заложников из представителей, по выражению Троцкого, «обреченного на гибель класса, который не хочет погибать». Идея коллективной ответственности, за которую судили национал-социалистов на Нюрнбергском процессе, на самом деле и как идеология, и как массовая практика применялась впервые в истории Европы именно большевиками. Немцы уничтожали за гибель своих солдат от рук партизан убийством представителей местного населения. Большевики за смерть солдата их красного дела брали в заложники уже своих соотечественников, представителей так называемых «свергнутых классов». Примечательно, что немцы на оккупированных территориях расстреливали, как правило, несколько десятков заложников за одного своего офицера, уничтоженного партизанами. А большевики после убийства левыми эсерами Урицкого в августе 1918 года в Петрограде, требовали за смерть своего обязательно убийств сотен, тысяч своих врагов. «Красная звезда», орган Петроградского совета большевиков, после убийства Урицкого в августе 1918 года провозглашала: «На единственный террор мы должны ответить массовым террором, за смерть одного нашего борца должны поплатиться жизнью тысячи врагов... Без пощады, без сострадания мы будем избивать врагов десятками, тысячами. Пусть их наберутся тысячи. Пусть они захлебнутся в собственной крови». И что показательно, что большевики в ответ на теракт левых эсеров, в ответ на убийство Урицкого, уничтожали не тех, кто организовал и совершил этот теракт, речь идет о личностях, весьма далеких от «господствующих классов», а в первую очередь представителей дореволюционной российской элиты, бывших министров, профессоров, офицеров и даже тех, кто носил кадетские фуражки. Всего было казнено в августе 1918 года по разным источникам от 500 до 800 заложников. В ответ на покушение Каплан на Ленина было казнено 1080 людей. И вся эта история с подбором заложников подтверждает тот факт, что для большевиков так называемая классовая борьба была одновременно откровенным геноцидом не просто представителей бывших господствующих клас-

¹ (Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990 – С. 105).

сов, но прежде всего представителей образованных классов. Иначе трудно объяснить, почему в расстрельные списки после убийства Урицкого были включены именно профессора дореволюционной России. Впрочем, друг и соратник Ленина Григорий Зиновьев в сентябре 1918 года прямо заявлял: «Мы должны увлечь за собой 90 миллионов из ста, населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить – их надо уничтожать». Разве все эти призывы к геноциду тех, кто не с ними, не с большевиками, не напоминают вам гитлеровские призывы к «окончательному решению еврейского вопроса»? А Свердлов со своим указанием начала 1919 года «провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно», не отдает классовым расизмом, не является примером того, что на самом деле у большевиков классовая борьба и физическое уничтожение представителей господствующих классов – это тождественные понятия?

И как верно заметил один из самых серьезных исследователей большевизма постперестроечной эпохи Алексей Кара-Мурза, чувство вины в подобном сознании было вытеснено, ибо большевистский марксизм знает только одну вину, всемирную вину буржуазного строя и буржуазии. Идя вслед за Федором Степуном, Алексей Кара-Мурза показывает, что ленинизм как идеология репрессии, нацеленная на физическое уничтожение врагов, не знает своей вины, ибо у него, у ленинизма, всегда виновен другой – буржуй, капиталист, соглашатель¹. И здесь же очень важная мысль об отличии репрессивной идеологии большевизма от последующей репрессивной идеологии национал-социализма. Различие же двух тоталитарных практик, пишет Алексей Кара-Мурза, состоит в том, что гитлеровский вариант был ориентирован на «избавление немецкой нации от чувства вины» и на смещение вины вовне, на другие народы, а сталинский – на репрессивной процедуре «вменения вины – отказ от вины внутри социума»².

Еще задолго до Октября, в тех же «Вехах» (1909 г.) Семен Франк увидел, что большевизм несет в себе смертный приговор, агрессию ненависти не только по отношению к отжившим классам, к буржуям и капиталистам, но и по отношению к якобы своим трудящимся классам, по отношению к нынешнему пролетариату и трудовому крестьянству, ибо для них, большевиков, все, что соприкоснулось, выросло в этой якобы порочной частнокапиталистической цивилизации, тоже порочно, ибо несет в себе бациллы старых, частнособственнических болезней. Семен Франк еще почти за десять лет до Октября предупреждал, что марксистский большевизм несет в себе невиданный по мощности заряд насилия, чувства ненависти, несет в себе невиданную энергию убийств, ибо препятствием на пути к всечеловеческому счастью коммунизма являются не только «враги народа»,

¹ См. об этом: Кара-Мурза А.А. Большевизм и коммунизм: интерпретации в русской культуре. М., 1996. – С. 6 – 7.

² Там же. – С. 7.

буржуазия и все эксплуататоры, но и все их современники, которые являются «жертвами мирового зла», все люди, которые были погружены в мир частнокапиталистического произвола»¹. И при этом – убеждение в своей собственной стерильности, чистоте своих мыслей и идей, убеждение, что только мне, Ленину, и созданной мной партии открыты истины мира, открыты подлинные интересы трудового народа. Это тоже своего рода расизм, наделение себя всеми добродетелями в противовес всему порочному буржуазному миру. Отсюда и присвоенное себе право решать судьбы миллионов людей.

Невиданная, по собственным словам Ленина, прежде всего по масштабу жертв, лишений насилия, большевистская революция неизбежно вырастала из невиданного ранее в истории человечества сплава, сочетания сил ненависти, жажды репрессий, агрессии, маниакальной жестокости, которые были заключены в этих специфических большевистских душах. Сказанное выше о специфических страстях и особенностях мирозерцания Ленина и его партии – только часть из анатомии большевизма. Крайне негативное отношение к христианской морали, «непризнание абсолютных и действительно общеобязательных ценностей» (Семен Франк). Отсюда и призывы к террору, попустительство разбою, расправы над бывшими, жажда репрессий над всем, что объявляется врагом или вражеским, маниакальная потребность искать виновных, расправляться с ними, жажда крови, враждебное отношение к национальной элите, к интеллигенции как «гамну» и к интеллигентской морали как к проявлению «мягкотелости», «слюнтяйства», и, самое главное, полное пренебрежение ценностью и уникальностью каждой человеческой жизни, присвоенное себе право распоряжаться по своему усмотрению не просто чужой собственностью, отсюда экспроприация экспроприаторов, но и распоряжаться по своему усмотрению жизнью миллионов своих соотечественников. И за всем этим – болезненное, замешанное на ненависти отношение к миру, в котором они родились, в котором они живут. Отсюда и страстное желание уничтожить ту Россию, которая есть, уничтожить все, что мешает мечте о другом мире. Ничто не несло и не несет в себе столько человеческой грязи, сколько несли и несут в себе так называемые великие идеалы. И все на самом деле не столько от науки, сколько от пещерного догматизма, дефекта способности к самостоятельному мышлению, от дефицита способности сомневаться, самостоятельно думать, от тотального дефицита чувства реальности. И надо видеть правду, что не знала, не понимала Зинаида Гippiус. И все-таки главное в этой ленинской ненависти шло от Запада, от марксизма с его оправданием революционного насилия, шло от Руссо, от убеждения автора «Общественного договора», что к добру можно и нужно принуждать силой. Очень близкое русской душе убеждение, что «собственность – это кража». Это, конечно, Прудон. Но и, конечно, марксист-

¹ См.: Франк С. Этика нигилизма. Вехи. Из глубины. М.: изд-во «Правда», 1991. – С. 183.

ский мессианизм, убеждение, что все, что было и есть — только «предыстория» человечества, что грядет подлинная история, марксистская вера, что можно радикально, до основания переделать природу человека и начать человеческую историю заново.

Показательно, что Ленин продолжал призывать к массовому террору и репрессиям и после окончания гражданской войны. Конец января 1922 года, записка заместителю председателя ВЦИК И.Уншлихту: «...Усилить быстроту и силу репрессии, усилить внимание ЦК к этому»¹. Цинизм и жажда крови немыслимы. Как Ленин намеревался наказать Латвию и Эстонию «военным образом» после их отделения от России. «Под видом «зеленых» (мы потом на них и свалим) пройдем по 10 – 20 верст и перевешиваем кулаков, попов, помещиков. Премия 100 000 руб. за повешенного»². И все это написано знакомым ленинским почерком.

Очень важный штрих к этому портрету Ленина-палача, страдающего маниакальным пристрастием к репрессиям по отношению к тем, кто не вписывался в картину будущего социализма. Речь идет о прямых указаниях убивать как можно и по любому поводу представителей православного духовенства. Еще в августе 1918 года Ленин приказывал «провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев». «Беспощадный массовый террор» уже тогда вылился в массовое убийство православного духовенства во всей стране. Но самое главное, уже после гражданской войны масштаб репрессий против РПЦ не сокращается, но расширяется. Кампания по изъятию церковных ценностей весны 1922 года преследовала не только экономические цели, но и политические, продолжить процесс физического уничтожения православного духовенства. В марте 1922 года, в разгар кампании по разграблению церкви Ленин, как всегда «строго секретно», приказывает: «...изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства нам удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше». После того, как в начале 90-х стал достоянием гласности так называемый «засекреченный Ленин», стала известна вся правда о пагубном его пристрастии к расправе, к расстрелам, трудно, очень трудно сохранить прежний пиетет к вождю Октября и ко всему его большевистскому делу. Не может нормальный человек не видеть, что за всеми красивыми ленинскими словами о победе пролетарской революции стоит элементарный бандитизм, бесконечное насилие над невинными людьми. Но драма нынешнего русского человека состоит в том, что у него в массе, несмотря на все эти известные факты, не появляется моральное отвращение и к Ленину, и ко всему большевист-

¹ В.И. Ленин. Полн.собр.соч. Т. 54. – С. 144)

² ЦПА ИМЛ. Ф.2, оп.2. – С. 380.

скому эксперименту. В массе у нас при восприятии и Ленина, и всей истории социалистического строительства, работает какая-то другая, антиморальная логика. И не только потому, что все наше — это наше, в том числе кровавый молох большевизма, а потому, что когда речь идет о цене большевистских побед, у нас душа не работает, принципиально не работает. И мне думается, с этим обстоятельством не считается Путин, когда он призывает к реставрации традиционной русской идентичности, основанной на христианских ценностях.

Наверное, это связано и с уникальностью большевистского террора, с тем, что он, как и любое революционное насилие, оправдывался благообразными целями. За преступлениями большевизма стоит идеология революционной целесообразности, вера, что сама логика истории ведет в счастливое коммунистическое будущее, что сама логика истории требует не сдерживать себя в средствах достижения великой коммунистической цели. Будущим счастьем всего трудового человечества и оправдывались чудовищные по своей жестокости преступления большевиков. И мне думается, что новая Россия не в состоянии увидеть античеловеческую сущность русского коммунизма, ибо она до сих пор убеждена, что «лес рубят — щепки летят», что великие исторические достижения невозможны без великих жертв. По этой причине большинству населения и недоступна подлинная духовная русскость как ее чувствовали Достоевский, Толстой, тот же Василий Розанов.

Надо видеть, что большевики не только организовали этот процесс избиения российской национальной элиты, но и сумели придать этим по сути чудовищным преступлениям благообразный характер. Все дело в том, что бесчисленные преступления большевиков против человечности оправдывались как средство достижения коммунистических идеалов равенства. Отличие бандитизма и жульничества большевиков от обыкновенного уличного бандитизма в том, что они оправдывались великими идеалами, что к этим преступлениям звали люди, которые претендовали на роль выразителей и защитников этих «священных идеалов» и т.д. Зло большевиков приходило в мир в облике добра. С этим крайне важно считаться при оценке и Ленина и его революции. Идеал в этом случае снимал, по крайней мере, в сознании большевиков-ленинцев, личную моральную ответственность за совершенные преступления. *Живущий в сознании постсоветского человека идеал абсолютного равенства и сегодня, наверное, мешает увидеть, признать те страшные преступления, которыми сопровождалось это наше движение в мир коммунистического будущего.* И, скажу сразу, до тех пор, пока русский человек не осознает утопичность, неосуществимость всей его мечты об абсолютном равенстве, он не согласится с тем, что по сути большевики были преступниками, и не станет русским в классическом, духовном смысле этого слова. Семен Франк еще в 1918 году по следам большевистского переворота

и зверств, учиненных взбесившимися матросами, в статье «De Profundis» писал: «Неприкрытое, голое зло грубых вожделений никогда не может стать могущественной исторической силой; такой силой оно становится лишь когда начинает соблазнять людей лживым обликом добра и бескорыстной идеей»¹. Все дело в том, что с точки зрения Ленина, цели и задачи коммунистического строительства оправдывают любое насилие, любое преступление, служащие их достижению. И опять мы в советское время никогда не отдавали себе отчет в античеловеческой, антикультурной сущности его утверждения, что нравственно все, что служит делу коммунистического строительства в России. Отсюда и оправдание любого насилия, любых убийств, любых ограничений свободы, если они укрепляют победу большевиков как партию коммунистического строительства. В данном случае разбой, насилие, невиданная жестокость, расправа над всеми, кто объявлялся врагом революции или рабочего класса, оправдывались, освещались не просто великими идеалами равенства, а законами истории, которые рассматривались как «повивальная бабка» родов новой формации, новой цивилизации. В итоге элементарный бандитизм, как, к примеру, экспроприация чужой собственности, как преступная расправа над невинными людьми, убийство их за то, что одеты в приличный костюм, оправдывались логикой истории, рассматривались как исторически целесообразное действие.

Конечно, подобное ленинское отношение к насилию, к физическому уничтожению врагов рабочего класса, как наиболее эффективного средства коммунистического строительства, утверждалось в России не сразу. Как известно, марксистскую веру в неизбежность краха частнокапиталистической цивилизации и победы коммунизма вместе с Лениным разделяли все российские социал-демократы. Но ленинское «цель оправдывает средства» для победы пролетариата, оправдание любых репрессий разделяли только особые люди, составившие костяк большевистской партии. Не каждый марксист пойдет громить банки и попутно убивать его охранников во имя победы пролетариата. Поклонниками Ленина и его идей становились только марксисты, лишенные того, что до революции называлось интеллигентностью, по Ленину – «сентиментальностью». Отсюда и раскол российской социал-демократии на большевиков и меньшевиков. «В Ленине, настаивал тот же Георгий Федотов, нет ни скрупула русского интеллигента... Русские марксисты 90-х годов, этически настроенные и сами презирающие себя за это, ужасались перед «твердокаменным» и покорились ему. Он стал центром притяжения людей нового типа. Он сам ковал его, неумолимо преследуя сарказмами и оскорблениями мягкотелого интеллигента. Из евреев, кавказцев и русских ницшеанцев он создавал свою гвардию – хищников и бойцов. То, как он умел (хотя и не всегда) – укрощать этих тигров подполья, не менее удивитель-

¹ Франк С.Л. De Profundis. Вехи. Из глубины. М., 1991. – С. 486.

но, чем обуздание волчьей стаи. Выковать большевистскую партию было не легче, чем государство СССР»¹.

9. О связи задач формирования национального сознания с задачами декоммунизации постсоветского русского человека.

И здесь я подхожу к решающему пункту своего исследования. Мы до сих пор не можем дорасти до моральной оценки Ленина и его большевистской революции, ибо принадлежим к той особой, не существовавшей ранее породе русских людей, которая в силу советского воспитания лишена этического сопереживания своей истории. В том-то и дело, что строительство СССР было прежде всего созданием нового типа людей, убежденных, что коммунизм как цель истории оправдывает любые средства их достижения, что морально все, что служит победе пролетарской революции, что жизнь отдельного человека ничего не стоит в сравнении с успехами страны на пути строительства социализма. В рамках такого особого ленинского мировоззрения и не встает вопрос о соразмерности человеческой цены, которые заплатили русские люди за успехи социалистического строительства. В рамках такого мировоззрения, в чем до сих пор убеждена подавляющая часть россиян среднего и старшего поколения, победа Днепрогэса оправдывает сталинский голодомор, убийство только на Украине 3 миллионов людей, подавляющую часть которых составляли дети. Нас, советских людей, с помощью таких книг, как биографическая канонизированная хроника жизни и деятельности молодого Ленина, как книга А.Белякова «Юность вождя», учили видеть мужество молодого Ленина в том, что он в студенческие годы был категорическим противником создания комитетов помощи голодающим Поволжья в 1891 году, ибо он был убежден, что чем больше крестьян умрет от голода, тем больше будет ненависть к царизму, тем больше крестьян станет на путь революции. Мы на уроках истории в школе в советское время повторяли ленинское «голод, разрушая крестьянское хозяйство, одновременно разбивает веру не только в царя, но и в бога, и со временем, несомненно, толкнет крестьянина на путь революции», повторяли ленинское, что «массовый голод» является прогрессивным явлением, не отдавая себе отчета, что голод — это прежде всего муки голода, и прежде всего муки умирающих от недоедания детей, что голод — это смерть, похороны, что голод ведет к утрате человеческого в человеке, к расчленению трупов, к людоедству и т.д. Но все это, то есть человеческое сопереживание страданиям жертв всех этих якобы «прогрессивных процессов» не только отсутствовало,

¹ Федотов Г.П. Схема революции // Федотов Г.П. И есть и будет. Размышления о русской революции. Париж, 1932. — С. 81.

но даже было противоестественно не только для большевика, но и для «сознательного советского человека».

Мне думается, что Игорь Шафаревич был прав, когда настаивал, что вообще идея социализма как идея абсолютного равенства замешана на влечении к самоуничтожению человечества. И совсем не случайно и Ленин, и его соратники, тот же Григорий Зиновьев, с удивительным хладнокровием, а иногда и с явным удовлетворением говорят о миллионных жертвах или, к примеру, как тот же Ленин на III Конгрессе Коммунистического Интернационала, о неслыханных в истории Европы жертвах, которые Россия заплатила за победу диктатуры пролетариата, как о само собой разумеющемся, обыденном. Мне думается, что статья Игоря Шафаревича «Социализм», трактующая идеал социализма как идеологию самоуничтожения европейской культуры и впервые опубликованная в самиздатовском сборнике «Из-под глыб», недооценена в посткоммунистической России.

Несомненно, что марксистский мессианизм, учение о неизбежной победе коммунизма у большевиков приобрело наиболее жесткую антигуманистическую интерпретацию и привело к деморализации сознания целого ряда советских поколений. В этом сознании исторический фатализм, учение о том, что законы истории своей неумолимой логикой ведут к коммунизму, иезуитское «цель оправдывает средство» и моральный инфантилизм, традиционное русское пренебрежение к ценности человека, все слилось воедино. Для того, чтобы появился этот новый советский человек, убежденный, что прогрессивно все, что приближает победу пролетарской революции, даже муки голода миллионов людей, надо было провести громадную работу по «очищению» русского человека от этического, морального отношения к миру. Для этого надо было уничтожить носителей этнического отношения к миру, дореволюционную российскую интеллигенцию, русское духовенство, вообще всю революционную образованную Россию, воспитанную на идеалах добра, благонаравия, моральной ответственности личности, лежащих в основе великой русской литературы. Для этого надо было сделать героем Павлика Морозова или красноармейца, способного по-ленински безжалостно убивать классового врага.

И надо видеть, что этим ленинским марксистским фатализмом, убеждением, что вся русская история вела к Октябрю, к советскому строю, до сих пор заражено сознание не только простого постсоветского россиянина, но и даже нашей якобы либеральной, западной интеллигенции. Покойный Егор Гайдар, канонизированный вождь нашей либеральной интеллигенции, был убежден, что его дед, герой гражданской войны, был на «уровне задач своей эпохи». Из чего следует, что ленинский Октябрь и социалистическое строительство в СССР было исторической необходимостью и, следовательно, мы не имеем права на моральную оценку большевизма. Вся команда Гайдара, к примеру, Владимир

Мау, убеждены, что Россия не по-советски, не по-сталински не могла провести индустриализацию, преодолеть свою отсталость, покончить со своей патриархальностью.

Но весь драматизм нынешней ситуации в том, что этот характерный для всей русской культуры, в том числе и для русской религиозной философии, гуманизм, убежденность, что человек не может быть средством, что он сам по себе является целью, уникальной и неповторимой ценностью, что никому не дано право распоряжаться судьбой миллионов людей, до сих пор чужд российскому человеку. До сих пор, особенно постсоветские люди, страдают от того, что якобы им не дали новой цели, новой «национальной идеи» взамен утраченной советской. До сих пор у многих наших людей нет сознания, что главной целью является облагораживание своей собственной жизни, своего окружения, облагораживание своей души, своих помыслов. Я уже не говорю о реставрации христианского отношения к жизни, осознания, что нет более великой цели в жизни, чем облагораживание своих помыслов и устремлений, просто моральное самосовершенствование, подготовка к встрече с Богом. Нам не хватает до сих пор осознания очевидного, что люди, присвоившие себе право решать за нас, что есть добро и зло, преступники, что люди, обрекавшие сознательно на смерть миллионы своих соотечественников, достойны только осуждения. Несмотря на весь трагический русский век мы не можем увидеть очевидного, что несмотря на все свои несомненные достижения, советская модель оказалась тупиковой, и что народы, которые пошли за нами по пути социализма – Северная Корея, Куба – обрекли себя на бессмысленные лишения, что путь советского социализма всегда был дорогой к подавлению свобод личности, к тоталитаризму. Уходят народы от советской модели социализма по-разному, одни, как китайцы, вьетнамцы – более умно, прагматично, мы уходили по-русски, через колено, но все равно, все рано или поздно уходят с дороги, открытой Октябрем, все осознают изначальную утопичность марксистского учения об истории.

И поэтому нет проблемы осуждения Ленина и преступлений большевизма, сталинизма как самостоятельной проблемы. Те, кто добивается осуждения Сталина, избегая при этом анализа анатомии преступлений большевизма в целом, просто лукавят. Для того, чтобы восстановить моральное отношение к российской истории и к ее деятелям, надо, в конце концов, согласиться, что существуют абсолютные, обязательные для всех моральные ценности, восстановить обязательный характер моральных заповедей христианства, так называемую «общечеловеческую мораль», надо восстановить в сознании людей самоценность каждой человеческой личности, ее жизни. И здесь возникает самый главный вопрос, на который до сих пор нет ответа. Можно ли после практически ста лет переделки природы российского человека, после того, как мы создали людей, убежденных, что мас-

совая гибель миллионов людей во время голода может быть фактором прогресса, восстановить у них, у их потомков моральное чувство, отвращение к насилию, способность сопереживать страданиям тех, кто жил до них. Ведь на сегодняшний день, как говорят социологические исследования, даже потомки раскулаченных и репрессированных убеждены, что Сталин во всем был прав.

Заключение

В рамках данного доклада я не ставил себе задачу разработать технологию восстановления у постсоветского русского человека нормального, естественного морального отношения к своей русскости, умения отличать зло от добра в своей национальной истории. Но в любом случае надо понимать, что нельзя воссоздать, а тем более сделать массовым явлением духовную русскость, связывающую свое национальное прежде всего с прорывами своего народа в области духа, не преодолев в сознании людей марксистско-ленинского мессианизма, убеждения, что история якобы не имеет сослагательного наклона, не преодолев в сознании людей нашей русской интерпретации марксистского фатализма. Ведь на самом деле все то, что на протяжении так и не окончившегося коммунистического русского XX века мы считали русским, не было на самом деле никаким русским. Русским является не нам привычное «дело прочно, когда под ним струится кровь», а убеждение Федора Достоевского, что счастье всего человечества не стоит слез одного замученного ребенка. Русским является не убеждение Ленина, что во имя того, чего не было в истории человечества, во имя победы пролетариата мы должны идти на такие неслыханные жертвы и такие лишения, «каких не знала история»¹, а, напротив, предупреждение Александра Герцена, что разговоры о великих, «бесконечных целях» должны настораживать морально развитых людей, что «бесконечно далекая – не цель, а, если хотите, уловка: цель должна быть ближе, по крайней мере – заработанная плата или наслаждение в труде». «Цель для каждого поколения – оно само»². Русским является не наша привычка «сорить людьми», а православное, что каждая личность – божья тварь, дитя бога. Наш страшный XX век еще раз подтвердил мудрость русских книжников начала XVII века, которые не просто называли опричнину, палачество Ивана Грозного «грехом», но увидели, что на грехе, на «разорении» страны, на мучениях людей невозможно построить счастливую, светлую Русь. Пора увидеть, что несмотря на некоторые цивилизационные достижения Россия вышла из коммунистического эксперимента надорванной и в физическом, и в духовном отношении, утратившей веру в себя, лишившаяся своей былой энергии. Мы, и да-

¹ См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 44. – С. 45–46.

² Герцен А. Сочинения в 9-ти томах. М.: изд-во «Художественная литература», 1956. – С. 262.

же нынешняя образованная Россия, не можем понять, что из того несомненного факта, что было множество объективных причин, которые вели к победе большевиков, никак не следует, что их цель, идея коммунистического переустройства была реализуема, что вообще не было у России альтернативы социалистической индустриализации с ее безумными жертвами. Не станем мы русскими людьми в подлинном смысле слова, людьми, обладающими и национальной памятью, и способностью отличать добро от зла в своей истории, пока не освободимся от плена коммунистического мессианизма. В данной ситуации декоммунизация и формирование национального сознания тесно связаны.